

Прозелитизм и прозелитская деятельность: оценка и восприятие в общественном сознании дагестанской молодежи

Мадина Магомедкамиловна Шахбанова

Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Махачкала,
Россия, madina2405@mail.ru

Аннотация. Религиозная сфера является одной из сложнейших и положение в ней оказывает заметное воздействие на иные социальные сферы. Как известно, доминирующей идеологией в советском обществе был атеизм, но ситуация в конфессиональной области кардинально изменилась с провозглашением в конце 80-х гг. прошлого столетия принципов гласности и демократии, либеральных ценностей, которые, как показывает современное положение России, имели больше негативных последствий, чем позитивных. Из одной крайности – запрета религии и провозглашения атеистической идеологии – перешли к другой – полному игнорированию происходивших в религиозной сфере процессов. Закономерно это привело к быстрому заполнению образовавшегося вакуума религиозной идеологией, более того, можно утверждать, что конфессиональная сфера начала свое «автономное» функционирование, не подчиняясь светским законам. В статье рассматривается прозелитизм и отношение к нему: авторская гипотеза предполагает, что прозелитская деятельность способствует формированию в массовом сознании принципов религиозной интолерантности. Эмпирический материал свидетельствует о существовании в общественном сознании подавляющей части молодого поколения дагестанцев позитивного отношения к совместному проживанию с последователями иного вероучения, при этом по совокупности позиций доминирует переход в другое вероучение. Кроме того, преобладает положительное восприятие прозелитизма с существенной аргументацией о необходимости ее осуществления без давления и агрессивной политики.

Ключевые слова: веротерпимость, дагестанская молодежь, прозелитизм, прозелитская деятельность, ислам, религиозные установки, религия, религиозное поведение, религиозная толерантность, религиозная нетерпимость

Для цитирования: Шахбанова М. М. Прозелитизм и прозелитская деятельность: оценка и восприятие в общественном сознании дагестанской молодежи // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 257–263. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-257-263>. EDN VLKYBN

Sociology Problems

Original article

Proselytism and proselytizing activities: assessment and perception in the public consciousness of Dagestan youth

Madina M. Shakhbanova

Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia,
madina2405@mail.ru

Abstract. The religious sphere is one of the most difficult and the situation in it has a noticeable impact on other social spheres. As you know, atheism was the dominant ideology in Soviet society, but the situation in the confessional field changed dramatically with the proclamation in the late 80s of the last century of the principles of glasnost and democracy, liberal values, which, as the current situation in Russia shows, had more negative consequences than positive ones. From one extreme – the prohibition of religion and the proclamation

of atheistic ideology – they moved to the other – the complete disregard of the processes taking place in the religious sphere. Naturally, this led to the rapid filling of the resulting vacuum with religious ideology, moreover, it can be argued that the confessional sphere began its "autonomous" functioning, not obeying secular laws. The article examines proselytism and attitudes towards it: the author's hypothesis suggests that proselytizing activities contribute to the formation of principles of religious tolerance in the mass consciousness. Empirical material testifies to the existence in the public consciousness of the overwhelming majority of the younger generation of Dagestanis of a positive attitude towards cohabitation with followers of another creed, while the transition to another creed dominates in terms of the totality of positions. In addition, a positive perception of proselytism prevails, with substantial arguments about the need to implement it without pressure and aggressive policies.

Keywords: religious tolerance, Dagestan youth, proselytism, proselytizing activities, Islam, religious attitudes, religion, religious behavior, religious intolerance

For citation: Shakhbanova M. M. Proselytism and proselytizing activities: assessment and perception in the public consciousness of Dagestan youth. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(1):257–263. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-257-263>. EDN VLKYBN

Введение. Распространение вероучения за пределами его канонической территории, следовательно, увеличение числа последователей является ключевым в религиозной деятельности священнослужителей и история разных религий показывает стремление религиозной верхушки расширять пространство функционирования конкретно взятого вероисповедания.

Этнографические материалы и археологические раскопки констатируют об активной деятельности миссионеров по распространению религиозного учения, последователями которого они были, например, христианства, далеко за ареалами его изначального возникновения. Целью политики расширения религиозного учения среди носителей иных вероисповеданий были, во-первых, получение власти над большой территорией, во-вторых, материальные интересы, возможность пополнять казну христианского духовенства, в данном случае, папскую казну. Кроме того, проживание в разных государствах единоверцев имело большое значение и для укрепления межгосударственных взаимоотношений, формирования особой экономической модели, обеспечения благополучия и т.д. Поэтому политика прозелитизма никогда не теряла своей актуальности, ибо выступала «мягкой силой» способной влиять на определенные сферы социального контакта. Таким образом, прозелитизм имеет длительную историю, разумеется, осуществлялся как мирными, так агрессивными методами в ходе военных действий и навязывания, особенно в предыдущие исторические периоды при абсолютной религиозной власти: римская церковь принимала активное участие в политической жизни стран, население которых исповедовало христианское учение, папа римский мог отлучить от церкви любого правителя христианского государства.

Распад Советского Союза с господствовавшей в нем атеистической идеологией, естественно, сопровождался мощными преобразованиями во всех социальных сферах, изменением мировоззрения и здесь свою нишу очень быстро заняла религия и деятельность духовных лиц ориентированных на укрепление позиций вероисповедания в российском социуме. Прошедший период показывает появление возможности свободно соблюдать культовую практику, в стране открылись религиозные учебные заведения, постепенно влияние религиозного духовенства на светскую власть начало усиливаться. Иными словами, из одной крайности запрета религии и провозглашения атеистической идеологии перешли к другой – полному игнорированию происходивших в религиозной сфере процессов. Закономерно это привело к быстрому заполнению образовавшегося вакуума религиозной идеологией, более того, можно утверждать, что конфессиональная сфера начала свое «автономное» функционирование, не подчиняясь светским законам. Все это сопровождалось борьбой внутри религиозной верхушки, примером является раскол Духовного управления мусульман [1, с. 56], отсутствием государственного контроля над религией и религиозными центрами, осуществляемой духовными лицами религиозной деятельностью и политикой.

В результате пренебрежения и отсутствия внимания со стороны государства к такой сложной области, как конфессиональная, на территории Российского государства появился религиозный экстремизм, власть столкнулась с радикальными течениями, которые угрожали его национальной безопасности. Кроме того, в российских регионах активно начали работать миссионеры

(причем из западных стран) и непонятные «проповедники», провозгласившие себя «Богом» (например, «Бог Кузя»), то есть «начался взрывной рост конфессиональных новообразований... В страну хлынул неуправляемый поток миссионеров и проповедников... значительная часть миссионеров и миссий действовали без всякого учета и регистрации, и с их стороны отмечалось немалое число нарушений российских законов. В ряде субъектов Российской Федерации наметился процесс насильственного изменения традиционной конфессиональной картины, рост конфронтационных настроений среди последователей различных религий, размежевание граждан по принципу отношения к "традиционным" и "нетрадиционным" религиям. Обострилась проблема прозелитизма...» [2, с. 46].

Проблема корреляции прозелитизма и миссионерства активно исследуется С. К. Кимпаевым и С. И. Измайловой [3], А. В. Логиновым [4], А. Е. Митько [5], Н. Н. Поташинской [6], Е. А. Тарапановой [7], Ю. Хабермасом [8] и др.

Есть основание для констатации в прозелитизме 2-х противоположных векторов существования: с одной стороны, расширение приверженцев определенного вероисповедания, с другой, как деструктивный элемент – неприятие миссионерской деятельности на канонической территории иного вероучения, что является базой появления в общественном сознании межрелигиозной интолерантности, открытых столкновений и агрессии: «исторически можно выделить 2 типа прозелитизма: добровольное присоединение... и насильственное обращение... В случае добровольного присоединения субъектом прозелитизма является сам обращающийся, в случае насильственного присоединения субъектом выступают лица и институты, осуществляющие обращение. Что объединяет два типа прозелитизма в контексте их негативной оценки? Как правило, ни одна из религий не оценивает свою миссионерскую деятельность как прозелитскую. Понятие прозелитизма применяется при оценке деятельности других религиозных институций. Таким образом, прозелитизм как оценочное понятие с негативной коннотацией применяется в отношении несовершенства мотивов или поступков другого и крайне редко в отношении себя» [9, с. 179].

Прежде чем охарактеризовать существующее в массовом сознании отношение к прозелитизму, представляется необходимым изложить сущность данного феномена. А. В. Логинов определяет прозелитизм как «деятельность по переманиванию последователей одной христианской конфессии в другую, но более полно этим понятием охватываются практикуемые рядом деноминаций попытки изменить религиозный выбор человека посредством целенаправленной пропаганды, далеко не всегда правдивой, нередко с использованием средств нерелигиозного характера (угроз, обещаний материальных благ и т.п.)» [10, с. 55].

К возникновению межрелигиозной нетерпимости может привести оскорбление чувств верующего, ценностно-символической религиозной системы, ущемление прав по признаку вероисповедания, запрет на ритуальную практику, отсутствие культовых зданий, вернее, отказ на их строительство. Примером последнего являются протесты против строительства мечети в Подмосковье и православного храма в Махачкале¹.

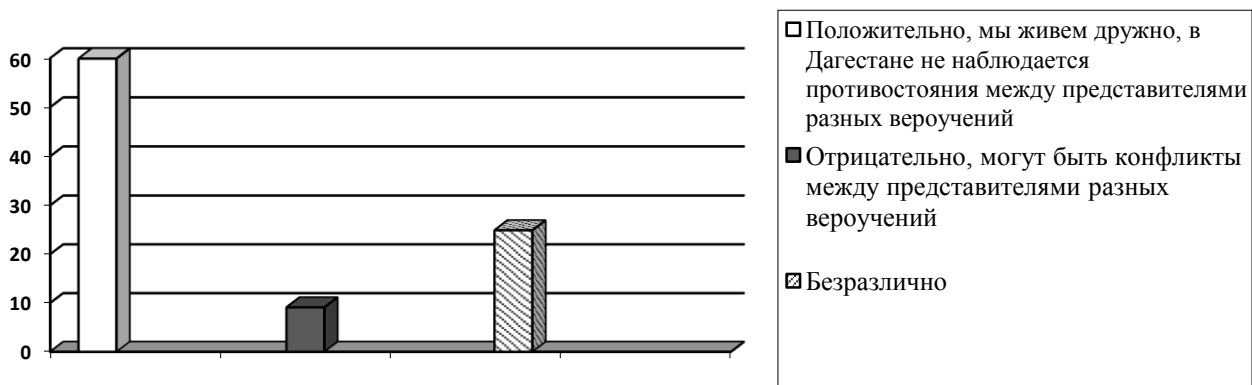
По мнению автора, причины нежелания строительства культового здания на канонической территории иного вероисповедания намного глубже. Хотя очень осторожно, но звучат голоса тех, кто выступает против миграции в Россию трудовых мигрантов и существование такой позиции имеет объективную основу: во-первых, поведение мигрантов и их пренебрежительное отношение к принимающему обществу, нежелание адаптироваться в инонациональной и инорелигиозной среде; во-вторых, этническая преступность; в-третьих, пассивное поведение, порой и безразличие правоохранительных органов по защите пострадавших от преступных деяний внешних мигрантов; в-четвертых, активное вмешательство диаспоры в решение возникающих проблем. Местная власть привлекает лидеров диаспоры к обсуждению конфликтной ситуации и правонарушений попадающих под уголовную статью, что вообще недопустимо. Еще одним нареканием, причем

¹ Магомедова А. Администрация Махачкалы пресекла строительство православного собора в парке Ак-Гель // URL: <https://chernovik.net/news/administraciya-makhachkaly-presekla-stroitelstvo-pravoslavnogo-sobora-v-parke-ak-gyol> (Дата обращения: 03.01.2024); The HRC saw extremism in the scandal with the construction of a mosque in Moscow. URL: <https://lenta.ru/news/2023/04/03/mechet/> (Date of application: 03.01.2024); Sobyanyin decided to move the construction site mosques from the Holy Lake. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/04/2023/642d8c8e9a7947e5a2252cb7> (Date of application: 04.01.2024).

очень важным, к строительству мечети было появление вокруг культового сооружения социальной инфраструктуры (магазины, культурные центры, кафе и т.д.), что вполне способно привести к анклавному проживанию мигрантов, причем уже получивших российское гражданство. На таких территориях, как правило, формируется характерная мигрантам модель поведения и взаимоотношений, в последнее время часто в СМИ приводят факты проявления агрессии, причем со стороны взрослых, в отношении детей (когда мигранты выгоняют детей со спортивных площадок, применяют к ним физическое и сексуальное насилие и т.д.).

Результаты исследования. По мнению автора, прозелитизм представляет собой сложное социальное явление, соответственно, он не может быть однозначно рассмотрен, впрочем, как и вопрос веротерпимости: в основе появления межрелигиозной нетерпимости могут быть вполне объективные причины, когда соблюдение прав одних могут ущемлять права других.

В рамках исследования религиозности и религиозного поведения дагестанской молодежи была затронута поликонфессиональность республики и ее оценка опрошенными (см. гист. № 1).

Гистограмма 1. Распределение ответов на вопрос «Как Вы относитесь к тому, что в Дагестане проживают носители немусульманского вероучения (христиане, иудеи, буддисты)?» (%)

Histogram 1. Distribution of answers to the question "How do you feel about the fact that non-Muslim speakers (Christians, Jews, Buddhists) live in Dagestan?" (%)

В массовом сознании дагестанской молодежи доминирует позитивная оценка поликонфессиональности Дагестана с доводом отсутствия межрелигиозного конфликта и мирного сосуществования. С возрастом и образованием опрошенных увеличивается доля положительно характеризующих наличие в республике последователей разных вероучений с 53,2 % в интервале 15–17 лет до 75,4 % 26–35 лет, с 54,6 % имеющих базовое среднее образование до 69,6 % с высшим образованием.

Эмпирический материал в разрезе отношения к религии показывает, что подавляющая часть респондентов почти во всех подмассивах положительно рассматривает поликонфессиональность Дагестана, за исключением подгруппы убежденно неверующих, которые безразличны к функционированию на территории республики разных вероучений (66,7 %). Далее, 9,1 % респондентов по всему массиву отрицательно оценивает полирелигиозность Дагестана с мотивацией потенциала для возможного межрелигиозного конфликта. Такая позиция ближе подмассиву неверующих (16,7 %), самому молодому возрастному слою 15–17 лет (11,9 %), убежденно верующим (12,8 %), кумыкам (одна восьмая часть) и аварцам (каждый девятый). Вместе с тем, 24,9 % опрошенной дагестанской молодежи безразлична конфессиональная структура Дагестана, таковых больше в возрастных интервалах 25 лет включительно, имеющих базовое среднее (27,9 %) и среднее образование (27,8 %); по этнической принадлежности процентные параметры больше в чеченской (45,0 %) и лезгинской (37,2 %) подгруппах.

Полученный материал показывает характерное молодому поколению дагестанцев толерантное восприятие полирелигиозности Дагестана и данное обстоятельство является важнейшим для сохранения стабильности и позитивного взаимодействия между носителями разных религиозных верований.

Ранее было отмечено, что прозелитизм, вернее методы его осуществления («мягкие» или агрессивные), является причиной возможного ухудшения отношений между последователями разных религий, и данный вопрос нашел свое отражение в рамках изучения религиозности и культурной практики дагестанской молодежи.

Результаты ответов на вопрос «Как Вы отнесетесь к тому, что кто-то из Ваших родственников, друзей или знакомых отошел бы от ислама и перешел в другую религию?» показывают, что в общественном сознании респондентов личное отношение к переходу в другое вероучение человека из близкого окружения выглядит несколько размыто в том плане, что почти равные доли опрошенных придерживаются противоположных суждений: по всему массиву с небольшим преимуществом превалирует положительный вариант ответа с аргументом о свободе выбора вероисповедания (25,6 %).

Анализ по гендерной принадлежности показывает, что в сравнении с мужчинами (19,9 %), женщины (25,6 %) более толерантны в выборе человеком другого вероисповедания. Вместе с тем наблюдается влияние возраста и образовательного статуса опрошенных на снижение процентных показателей – в каждой подгруппе с повышением возраста и образования уменьшается доля позитивно относящихся к переходу членов ближнего круга взаимодействия в лоно другого вероучения: с 25,2 % в разрезе 15–17 лет до 14,0 % в когорте 26–35 лет. В разрезе отношения к религии закономерно положительное восприятие такого решения подгруппами колеблющихся (44,4 %), неверующих (58,3 %), убежденно неверующих (33,3 %), однако существование такой установки в общественном сознании убежденно верующих (15,3 %) и верующих (23,5 %) неожиданно, ибо получается, что последние готовы смириться с уменьшением числа последователей единого с ними вероучения, проповедью иного религиозного учения среди единоверцев.

По национальной принадлежности о необходимости уважения решения каждого человека и его выбора иметь близкое ему мировосприятие, в сравнении, больше среди лакцев, даргинцев и лезгин (одна треть) и меньше в чеченской подгруппе (каждый седьмой). С небольшой разницей второе ранговое место занимает отрицательное отношение к смене человеком собственной религиозной принадлежности, ибо опрошенные считают такой поступок «нехорошим» и они постарались бы «отговорить от такого решения» (23,6 % по всему массиву). Эта позиция ближе 29,4 % респондентов в возрастной категории 18–25 лет, имеющих среднее и среднее специальное образование, а также подмассиву убежденно верующих – 34,8 %, 35,4 %, 37,8 %, соответственно. Вместе с тем, одна пятая часть респондентов по всему массиву, оценивая такое решение негативно, при этом не стали бы предпринимать какие-то действия. По гендерной принадлежности придерживающихся такой модели поведения больше в подмассиве женщин (20,7 %), в мужской подгруппе их в 2 раза меньше (9,4 %); непонятным выглядит позиция убежденно верующих (13,3 %) и верующих (15,3 %), которые критично оценивая прозелитское поведение близких родственников и друзей, не готовы предпринимать действия по его недопущению. Далее, 11,8 % опрошенных по всему массиву придерживаются точки зрения о недопустимости перехода в иное вероисповедание с мотивацией необходимости «оставаться в той религии, которой ты принадлежишь по рождению»; анализ по социально-демографическому срезу показывает, что это суждение ближе возрастной когорте 15–17 лет (16,5 %) и имеющим базовое среднее образование (14,8 %).

Неприемлемость выхода из вероисповедания, которому принадлежишь по рождению, подчеркнута 14,3 % убежденно верующих, 13,1 % верующих и 11,1 % колеблющихся. Затруднился выразить свою позицию каждый девятый по всему массиву, внутригрупповое сравнение показывает существование отличий: так, выделяются респонденты в разрезе 18–25 лет, имеющие высокий образовательный статус (каждый пятый), 16,8 % самоидентифицирующихся как верующие. Почти равные части опрошенных по всему массиву отмечают противоположные варианты «положительно, если человеку ближе другое вероучение, его ценности, обряды, ритуалы, праздники» (5,4 %) и «отрицательно, я перестал(-а) бы уважать и общаться с таким человеком» (5,9 %); первое суждение ближе колеблющимся, неверующим и убежденно неверующим, второе – имеющим среднее образование, возрастному интервалу 15–17 лет и убежденно верующим (каждый десятый респондент). Если посмотреть средний показатель отношения дагестанской молодежи к прозелитизму, то превалирует его отрицательная оценка (37,4 %), хотя 28,3 % опрошенных подчеркивают право свободного выбора вероисповедания.

В исследовании был задан «контрольный вопрос» «Как Вы относитесь к тому, чтобы распространять мусульманскую веру среди людей, не исповедующих ислам?», призванный показать степень религиозной толерантности, хотя, по мнению автора, необходимо очень осторожно подходить к прозелитской деятельности, особенно на канонических территориях с доминированием заметного количества последователей конкретного вероисповедания. Не менее важным является и эмоциональный настрой паствы, ибо религиозным сообществом не всегда позитивно может быть воспринято распространение и вовлечение населения в другое вероисповедание.

Эмпирический материал показывает положительное восприятие опрошенной дагестанской молодежи прозелитизма, важности осуществления прозелитской деятельности «мирными методами», недопустимости политики навязывания мусульманского мировоззрения иноверцам (70,0 %). Если посмотреть результаты опроса под разным углом среза, то наблюдается увеличение выступающих за распространение исламского учения среди носителей иного вероисповедания: с 64,4 % в возрасте 15–17 лет до 77,2 % в интервале 26–35 лет; с 68,3 % имеющих базовое среднее образование до 77,2 % со средним специальным образованием.

Среди убежденно верующих и верующих почти равные части позитивно оценивают прозелитскую деятельность исламских миссионеров (больше половины опрошенных), впрочем, как и колеблющиеся (чуть больше половины опрошенных). Второе ранговое место с большим отрывом занимает еще одно положительное суждение с обоснованием необходимости предоставления всем вероисповеданиям «свободы проповедовать среди представителей другой религии» (13,5 % по всему массиву); по социально-демографическим подгруппам таковых больше в возрастном интервале 15–17 лет (16,5 %), в в подмассиве с низким уровнем образования (18,0 %) и среди убежденно верующих (19,4). При этом суждения «распространение других религий несет угрозу конфликтов представителей разных религиозных учений» и «каждая религия должна проповедоваться только там, где она больше всего распространена (каноническая территория) и больше всего ее последователей» отмечены статистически небольшой долей молодого поколения дагестанцев – 3,5 % и 2,2 %, соответственно.

Негативная оценка распространения мусульманства среди представителей других религий больше выражена в общественном сознании неверующих (16,7 %) и убежденно неверующих (33,3 %). В когорте безразлично настроенных к прозелитизму также выделяются подмассивы неверующих (каждый четвертый) и убежденно неверующих (одна треть). Таким образом, аналитика констатирует позитивную оценку прозелитской деятельности исламского духовенства, но здесь респонденты подчеркивают недопустимость агрессии, давления и принуждения; процентные показатели по суждениям отрицательно настроенных к прозелитизму малозначимы, иными словами, можно констатировать превалирование в общественном сознании опрошенных ориентации на привлечение носителей иного вероисповедания в лоно мусульманства.

Заключение. Исламское возрождение имело не только позитивные, но и негативные последствия в развитии современного Дагестана, с одной стороны, свобода демонстрации личной религиозности, возможность получения религиозного образования, с другой – радикализация сознания, террористические акты под лозунгами сохранения «чистоты ислама», появление идеологии насилия в отношении не разделяющих идеологию ваххабизма и т.д.

Можно утверждать, что религиозное возрождение сопровождается противоречивыми процессами, с одной стороны, появление возможности для свободного осуществления религиозной практики, с другой, появление деструктивных факторов угрожающих национальной безопасности Российского государства. Наряду с позитивным вектором в религиозной области (свобода вероисповедания, возможности соблюдать предписания исповедуемого вероучения и т.д.) появляется и негативная сторона выражающаяся в росте числа конфессиональных организаций, отсутствии контроля за книжной продукцией, которая издается и распространяется, активизации прозелитской деятельности, ориентации населения разных возрастных групп на получение религиозного обучения, активизация паломничества и т.д. Все это в совокупности способствовало появлению и стремительному распространению нетрадиционных для Дагестана религиозных течений и сект, которые в дальнейшем, как показали реалии, в определенной степени спровоцировали ухудшение межрелигиозных и внутриконфессиональных отношений.

Список источников

1. Абдуллаев А. Г. К истории КДУМД // КНКО. Вести. 2000. С. 56–61.
2. Одинцов М. И. Двадцатый век в российской истории: государство и религиозные организации // Вступая в третье тысячелетие: религиозная свобода в плюралистическом обществе. М.: Российское отделение МАРС, 2000. С. 46–57.
3. Кимпаев С. К., Измайлова С. И. Прозелитизм в исламе // Исламоведение. 2013. № 1. С. 75–84.
4. Логинов А. В. Этико-правовые основы свободы совести как предпосылки свободной самоидентификации личности // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / Отв. ред. М.П. Мchedlov. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 34–56.
5. Митько А. Е. Миссионерство и прозелитизм // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. 2017. № 10(259). Вып. 40. С. 177–184.
6. Поташинская Н. Н. Насилие и терроризм в современной социальной доктрине католической церкви // Религии мира. История и современность. М., 2003. С. 9–18.
7. Тарапанова Е. А. Проблема взаимоотношений религий в цивилизационном развитии народов // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 5. С. 139–142.
8. Хабермас Ю. Когда мы должны быть толерантными? О конкуренции видения мира, ценностей и теорий // Социологические исследования. 2006. № 1. С. 45–53.
9. Митько А. Е. Миссионерство и прозелитизм // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. 2017. № 10 (259). Вып. 40. С. 177–184.
10. Логинов А. В. Этико-правовые основы свободы совести как предпосылки свободной самоидентификации личности // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / Отв. ред. М.П. Мchedlov. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 34–56.

References

1. Abdullaev A. G. On the history of the KDUMD. *KNKO. Lead.* 2000;56–61. (In Russ.)
2. Odintsovo M. I. The twentieth century in Russian history: the state and religious organizations. *Entering the third millennium: religious freedom in a pluralistic society.* Moscow; 2000:46–57. (In Russ.)
3. Kimpaev S.K., Izmailova S.I. Proselytism in Islam. *Islamic Studies.* 2013;(1):75-84. (In Russ.)
4. Loginov A.V. Ethical and legal foundations of freedom of conscience as prerequisites for free self-identification of a person. *Religion in the self-consciousness of the people (religious factor in identification processes)* / Ed. M.P. Mchedlov. M.: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2008;34-56. (In Russ.)
5. Mitko A. E. Missionary work and proselytism. *Scientific bulletin. Philosophy series. Sociology. Right.* 2017;10(259)(40):177–184. (In Russ.)
6. Potashinskaya N. N. Violence and terrorism in the modern social doctrine of the Catholic Church. *Religions of the world. History and modernity.* M., 2003:9–18. (In Russ.)
7. Tarapanova E. A. The problem of interrelationships of religions in the civilizational development of peoples. *Historical and socio-educational thought.* 2011;(5):139–142. (In Russ.)
8. Habermas Yu. When should we be tolerant? On the competition of world vision, values and theories. *Sociological Research.* 2006;(1):45–53. (In Russ.)
9. Mitko A. E. Missionary work and proselytism. *Scientific bulletin. Philosophy series. Sociology. Right.* 2017;10(259)(40):177–184. (In Russ.)
10. Loginov A. V. Ethical and legal foundations of freedom of conscience as prerequisites for free self-identification of a person. *Religion in the self-consciousness of the people (religious factor in identification processes)* / Ed. M. P. Mchedlov. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; 2008:34–56. (In Russ.)

Информация об авторе

М. М. Шахбанова – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Отделение кафедры ЮНЕСКО по компаративным исследованиям духовных традиций, специфики их культур и межрелигиозного диалога по Северному Кавказу.

Information about the author

M. M. Shakhbanova – Dr. Sci. (Sociology), Leading Researcher, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Division of the UNESCO Chair for Comparative Studies of Spiritual Traditions, the Specificity of Their Cultures and Interreligious Dialogue in the North Caucasus.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 16.01.2024; одобрена после рецензирования 08.02.2024; принята к публикации 09.02.2024.

The article was submitted 16.01.2024; approved after reviewing 08.02.2024; accepted for publication 09.02.2024.